

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.В. Баженов

Общие характерные особенности четвертого Евангелия со стороны содержания

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1907. № 12. С. 804-817.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Общія характерныя особенности четвертаго евангелія со стороны содержания ¹⁾).

УЖЕ въ глубокой древности, почти съ половины II вѣка Евангеліе отъ Іоанна обращало на себя вниманіе многими своими особенностями сравнительно съ тремя первыми Евангеліями. Позднѣйшіе изслѣдователи четвертаго Евангелія, сверхъ исторіографическихъ отличительныхъ чертъ его, склонны въ рѣчахъ и бесѣдахъ Іисуса Христа усматривать какъ бы новый міръ, новыя понятія; здѣсь, по ихъ мнѣнію, выступаютъ какъ бы другія лица, господствуетъ иной языкъ съ характерными свойствами изложенія. Не обращаясь къ доказательствамъ того, въ какой лишь условной или относительной мѣрѣ можетъ быть правильно мыслима своеобразность представленія и изложенія въ четвертомъ Евангеліи, мы предварительно замѣтимъ только о томъ, что особенности его не должны нимало приводить насъ въ смущеніе, если принять въ соображеніе, что каждый изъ св. евангелистовъ изображалъ жизнь и ученіе Господа Іисуса соответственно извѣстнымъ неодинаковымъ историческимъ условіямъ первенствующей церкви и особеннымъ цѣлямъ своего свящ. писанія, опредѣлившими его характеръ по содержанию и изложенію, не безъ вліянія индивидуальныхъ свойствъ евангелиста—писателя. Отсюда есте-

¹⁾ Рѣчь въ засѣданіи Совѣта Казанской дух. академіи 18 сент. 1907 г.— предъ коллоквиумомъ по соисканію степени магистра богословія за сочиненіе „Характеристика четвертаго Евангелія со стороны содержания и языка, въ связи съ вопросомъ о происхожденіи Евангелія.

ственно должно было въ евангельскихъ писаніяхъ произойти нѣсколько отличительное изображеніе по основной идеѣ и раскрытію ея въ частностяхъ, хотя въ существенномъ представленіи и общемъ изложеніи обнаруживается несомнѣнное сходство и согласіе. Христосъ четвертаго Евангелія и Христосъ первыхъ трехъ Евангелій—одинъ и тотъ же, въ изображеніи какъ дѣяній Иисуса Христа, такъ и рѣчей Его—одинъ и тотъ же глубокій духъ у Іоанна и у синоптиковъ, и различіе между ними относится только къ формѣ и способу изображенія. Во всей широтѣ представить даже конспективно характеристическія черты четвертаго Евангелія со стороны содержанія и языка и чрезъ то начертать полную и точную фізіономію писателя Евангелія ап. Іоанна потребовалось бы довольно продолжительное время и въ необходимой сей часъ краткой рѣчи невозможно. Поэтому, позвольте, достопочтенное собраніе, остановить Ваше благосклонное и просвѣщенное вниманіе на общихъ особенностяхъ четвертаго Евангелія лишь со стороны содержанія.

Три первыя такъ называемыя синоптическія Евангелія обнаруживаютъ въ большей степени зависимость отъ установившейся апостольской традиціи съ элементарною простотою изложенія и при извѣстныхъ нѣкоторыхъ своихъ особенностяхъ по главной идеѣ и раскрытію ея имѣютъ одинъ общій характеръ. Они при единствѣ основной своей идеи отличаются лѣтописнымъ характеромъ, представляютъ собою болѣе или менѣе отрывочныя сказанія безъ строгой внутренней связи и упорядоченности отдѣльныхъ частей, являются сборникомъ событій изъ жизни Иисуса Христа, преимущественно внѣшне упорядоченныхъ между собой. Между тѣмъ Евангеліе Іоанна представляетъ отличительную по содержанію и изложенію историографію нашего Спасителя. Въ немъ не усматривается столь свойственной синоптикамъ общей зависимости отъ апостольской традиціи евангелія и открыто выступаетъ парочитый, отличный отъ синоптиковъ, выборъ священнаго писателя въ отношеніи какъ событій изъ жизни Иисуса Христа, такъ и бесѣдъ и рѣчей Его. Соотвѣтственно современному тяжелому внѣшнему положенію христіанской церкви въ Ефесѣ и вообще въ малоазійскихъ городахъ, среди усилившихся и ежечасно стремившихся вторгнуться въ нее разнообразныхъ лжеученій еретиковъ (Керинѣвъ, евіониты, докеты и др.), евангелистъ Іоаннъ главнымъ предметомъ своего повѣствованія избралъ

изображеніе Лица Господа Ісуса, познаніе Его Божества, какъ Оно открывається въ отличительныхъ чудесахъ и преимущественно въ рѣчахъ Его. Изъ Іоаннова Евангелія видно, что писатель его въ выборѣ предметовъ повѣствованія и группировкѣ ихъ руководился теологическими соображеніями—представить въ событіяхъ ученіе Спасителя о важнѣйшихъ истинахъ христіанства, которыя тогда подвергались отрицанію или превратнымъ толкованіямъ. При своемъ преимущественно теологическомъ характерѣ Іоанново Евангеліе съ исторіографической стороны имѣетъ болѣе единства въ сравненіи даже съ Евангеліемъ Маттея, отличается планосообразностію, обнаруживающеюся въ строго опредѣленномъ извѣстномъ цѣлю порядкѣ повѣствовательнаго матеріала, и вмѣстѣ всюду въ немъ виденъ прагматизмъ, состоящій въ послѣдовательномъ и стройномъ изложеніи событій изъ жизни Ісуса Христа по внутренней связи и съ выясненіемъ ихъ смысла и значенія. При внутреннемъ единствѣ всѣхъ частныхъ для изображенія главнаго предмета Евангелія, при строгой цѣлостности своей повѣствованіе Іоанново однако же носитъ несомнѣнно фрагментарный характеръ. Изъ всего неописуемаго богатства евангельской исторіи возлюбленный ученикъ Христовъ сообщаетъ лишь то, что служить къ раскрытію основной идеи—божественнаго достоинства Ісуса Христа. Отсюда происходитъ то, что въ четвертомъ Евангеліи явственно выступаютъ опущенія нѣкоторыхъ событій изъ жизни Спасителя и хронологическіе пробѣлы въ повѣствованіи. Но они нерѣдко съ очевидностію предполагаютъ достаточную для писателя и читателей извѣстность синоптическихъ Евангелій, въ которыхъ содержатся не повѣствуемые Іоанномъ событія, почему онъ избѣгалъ повторять о нихъ, помѣщая въ Евангеліи по особымъ цѣлямъ избранныя лишь немногія событія и рѣчи Господа Ісуса.

Основную отличительную идею евангельской исторіи Іоанна составляетъ Логось, Богочеловѣкъ Іисусъ, въ лицѣ котораго совершается побѣда вѣры надъ невѣріемъ, свѣта надъ тьмою, добра надъ зломъ. Этотъ Логось, вопреки представленіямъ отрицательной критики, имѣетъ за собой столь же дѣйствительную исторію въ Іоанновомъ изложеніи, какъ и въ представленіи синоптиковъ. Какъ оказывается изъ внимательнаго разсмотрѣнія четвертаго Евангелія, изображаемый Логось Іисусъ вполне соответствуетъ условіямъ человѣческой природы,—такъ въ этомъ Евангеліи имѣются прямыя указанія на

плотское его происхождение (II, 1; XIX, 25; I, 45; VII, 35) и косвенное на крещеніе (I, 29—34; III, 26). Онъ испытываетъ чувства возбужденія, и возмущенія, состраданія, пережитой предъ страданіями внутренней борьбы и скорбей на крестѣ (XII, 27; XI, 33—35; XVIII, 11),—какъ представлено и въ повѣствованіи синоптиковъ. Что касается намѣренныхъ въ четвертомъ Евангеліи опущеній событій искушенія Его въ пустынь, смертельной Его тоски въ Геосиманскомъ саду, какъ бы недостойныхъ Логоса, равно умолчанія объ установленіи таинства св. Евхаристіи (изъ антиіудейской тенденціи), то, съ одной стороны, имѣются прозрачныя указанія на всѣ эти событія (XIV, 30; XVII, 1; VI, 53), а съ другой, эти опущенія обязаны ясному сознанію писателя относительно совершенной извѣстности означенныхъ событій изъ синоптиковъ и отсюда они не могутъ служить основаніемъ къ заподозрѣнію исторической истинности повѣствованія евангелиста Іоанна. Во всякомъ случаѣ признанное общее согласіе четвертаго Евангелія съ остальными тремя Евангеліями показываетъ ложность того воззрѣнія, будто въ Іоанновомъ Евангеліи подъ воздействиемъ идеи Логоса представленъ иной образъ историческаго Христа сравнительно съ синоптиками.

Важная затѣмъ отличительная черта въ повѣствованіи Іоаннова Евангелія усматривается въ обозначеніи времени и мѣста общественнаго служенія Господа Іисуса, въ связи съ чѣмъ находится особенный распорядокъ повѣствованія о дѣятельности Его (по праздникамъ). По сказанію синоптиковъ представляется, что Спаситель, по крещеніи Своемъ возвратившись изъ Іудеи въ Галилею, въ послѣдней затѣмъ всецѣло совершалъ общественное служеніе, иногда посѣщая и сосѣднія съ ней мѣстности и никто изъ синоптиковъ не даетъ опредѣленныхъ показаній о томъ, что Іисусъ Христосъ посѣщаль столицу іудейства—Іерусалимъ впредь до той самой Пасхи, въ которую явился сюда для крестныхъ страданій и смерти (Матѣ. IV, 12—18, 25; Марк. I, 14; X, 1; Лук. IV, 14; IX, 51—52). Между тѣмъ евангелистъ Іоаннъ даетъ опредѣленныя указанія на то, что Спаситель нашъ по крещеніи Своемъ (I, 31—34) удалился одиноко въ Галилею (I, 43; II, 12), но отсюда совершилъ пять путешествій въ Іерусалимъ. Таковы—первое на первый праздникъ Пасхи (II, 13, 23), когда Онъ властно изгналъ изъ храма торговцевъ и мѣнялъ и явилъ Себя великимъ пророкомъ анонимнымъ; второе путешествіе Спасителя—на

праздникъ Пятидесятницы (V, 1), когда онъ при купѣлѣ Виаезда совершилъ исцѣленіе разслабленнаго;—это было уже послѣ второй (неупомянутой лишь) Пасхи въ періодъ служенія Иисуса Христа (на третью же Пасху, (названную въ VI, 4), Онъ въ виду злодѣйскихъ замысловъ іудеевъ (VII, 11) не приходилъ въ Иерусалимъ, а проповѣдывалъ только въ Галилеѣ (3—4), не бывавъ въ Иудеѣ и Иерусалимѣ около 1½ лѣтъ); третье путешествіе въ Иерусалимъ—на праздникъ Кущей (VII, 14, 2); четвертое — на праздникъ обновленія храма (X, 22); пятое—на послѣднюю Пасху (XII), съ каковымъ путешествіемъ можно соединить скорое шествіе Спасителя въ Виаанію (XI, 1, 17—18). Не вступая здѣсь въ обслѣдованіе вопроса объ усматриваемомъ критиками противорѣчьи между четвертымъ Евангеліемъ и синоптиками, мы не можемъ не сказать лишь о томъ, что Господь Иисусъ, какъ Мессія, не могъ всѣ годы служенія посвятить только отдаленнымъ провинціямъ Палестины, вопреки предписанію Моисеева закона, не посѣтивши ни однажды теократическую столицу даже во время великихъ еврейскихъ праздниковъ. Притомъ, въ переданныхъ синоптиками событіяхъ и изреченіяхъ Иисуса Христа имѣется немало прозрачныхъ, хотя безъ хронологическаго обозначенія, указаній на пребыванія Его въ Иудеѣ и Иерусалимѣ (Іоан. XI, 1, Матѣ. XXVI, 6—7; Іоан. XIX, 38; Матѣ. XXVII, 57—60; Матѣ. XXIII, 37; Лук. XIII, 34). Справедливо полагать, что въ повѣствованіи синоптиковъ отдѣльныя путешествія Спасителя въ Иерусалимъ представлены безраздѣльно, слитно въ одномъ большемъ или важномъ по трагическому исходу путешествія туда на Пасхальный праздникъ, и оно, какъ общее цѣлое, видимо противопоставляется различнымъ проявленіямъ галилейской проповѣднической Его дѣятельности, одинаково объединенной въ нераздѣльномъ пребываніи. Въ виду такого у синоптиковъ обобщеннаго представленія евангельской исторіи писатель четвертаго Евангелія, полный непосредственныхъ живыхъ воспоминаній о божественномъ Учителѣ, представилъ проявленія дѣятельности Его съ раздѣльностію, какъ они имѣли свое мѣсто въ самой дѣйствительности.

Съ таковымъ Іоанновымъ изображеніемъ мѣста преимущественнаго служенія Иисуса Христа состоитъ въ тѣсной связи вопросъ о продолжительности этого служенія, опредѣленію которой много способствуетъ самое отличительное для четвертаго Евангелія сравнительно съ синоптиками нарочитое рас-

положеніе повѣствованія по путешествіямъ Господа Іисуса въ Іерусалимъ на іудейскіе праздники, притомъ въ хронологическомъ порядкѣ. По представленію синоптиковъ безъ хронологическихъ данныхъ,—всѣ событія со времени выступленія Господа Іисуса на проповѣдь до Его страданій крестныхъ совершились, повидимому, въ теченіи одного года, какъ бы только годъ продолжалось все общественное служеніе Его, притомъ лишь въ Галилеѣ. Между тѣмъ въ четвертомъ Евангеліи имѣется хронологическое расположеніе событій, при чемъ въ Іоанновомъ Евангеліи, какъ уже указано, опредѣленно говорится о трехъ Пасхахъ, на одну же (вторую) Пасху, прямо не названную, дѣлается лишь намекъ. Отсюда по справедливости слѣдуетъ заключить, согласно общецерковному воззрѣнію, что общественное служеніе Спасителя нашего продолжалось три года, съ прибавленіемъ же времени около трехъ мѣсяцевъ отъ крещенія Его до первой Пасхи,—три слишкомъ года или, по общепринятому круглому счету, 3¹/₂ года. Такое по Іоаннову Евангелію хронологическое представленіе находить для себя подтвержденіе и въ томъ простомъ соображеніи, что самое преобразование въ ближайшихъ Его послѣдователяхъ всѣхъ ранѣе сложившихся понятій, всей вѣры, цѣлаго іудейскаго міровоззрѣнія могло произойти въ теченіи лишь продолжительнаго обращенія съ Божественнымъ Наставникомъ. Такому условію преобразования учениковъ путемъ постепеннаго внутренняго возрастанія и преуспѣянія ихъ вполне соотвѣтствуетъ представленіе въ четвертомъ Евангеліи общественнаго служенія Іисуса Христа, которое, какъ видѣли, по указаннымъ въ немъ путешествіямъ Его въ Іерусалимъ на іудейскіе праздники легко опредѣляется свыше трехъ лѣтъ. Отсюда въ отношеніи времяобозначенія и мѣста точнымъ типомъ изображенія общественной дѣятельности Іисуса Христа является для безпристрастнаго историка только тотъ, который представленъ въ Іоанновомъ Евангеліи, и за нимъ должно быть признано превосходство предъ синоптическими Евангеліями, съ чѣмъ вмѣстѣ ярко и безспорно выступаетъ подлинно историческій характеръ Іоаннова повѣствованія.

Таковой же характеръ и превосходство предъ синоптиками Іоанново Евангеліе имѣетъ и въ прочихъ отличительныхъ пунктахъ, въ которыхъ представителями отрицательной критики усматривается также непримиримая будто бы разность между четвертымъ и первыми тремя Евангеліями. Изъ этой

обширной области достаточно было ограничиться сравнительнымъ разсмотрѣніемъ Иоаннова повѣствованія о призваніи первыхъ учениковъ Иисуса, указаніемъ важности хронологическаго дополненія въ Иоан. III, 24, гдѣ евангелистъ Иоаннъ присоединяетъ около года къ началу общественной дѣятельности Спасителя сравнительно съ представленіемъ синоптиковъ, и особенно обсужденіемъ показанія въ Иоанновомъ Евангеліи дня совершенія Спасителемъ пасхальной вечери и дня Его крестной смерти. Результатомъ безпристрастнаго въ этой области изслѣдованія является одинаково признаніе той истины, что писатель четвертаго Евангелія хорошо знаетъ синоптическія Евангелія, несомнѣнно и видимо предполагаетъ ихъ достаточно извѣстными своимъ читателямъ (Гильгенфельдъ, Гольцманъ, Рейссъ) и точнымъ своимъ обозначеніемъ дней событій въ XIII, 1 и XIX, 13, 31, 42 сдѣлалъ необходимыя исправленія, подобно тому, какъ въ другихъ мѣстахъ нѣкоторыя неточности и неопредѣленные у синоптиковъ указанія устранилъ своимъ болѣе отчетливымъ изображеніемъ. Такимъ образомъ Иоаннъ въ своемъ повѣствованіи высоко стоитъ сравнительно съ сказаніями первыхъ трехъ евангелистовъ.

Въ рѣчи объ общихъ особенностяхъ Иоаннова Евангелія по содержанію нельзя не отмѣтить отдѣлъ о чудесахъ, Иисуса Христа въ томъ отношеніи, что если въ этомъ отдѣлѣ сопоставить повѣствованія Иоанна и синоптиковъ, то прежде всего, усматривается, что кромѣ чудесъ насыщенія народа хлѣбами въ пустынѣ, укрощенія морской бури и хожденія Иисуса Христа по водамъ (VI, 16—20; Матѣ. XIV, 13—27; Марк. VI, 30—50) въ Евангеліи Иоанна нѣтъ болѣе ни одного чуда, на которое дали бы намъ указаніе ранніе евангелисты. Отличительную же собственность Иоаннова повѣствованія составляютъ слѣдующія чудеса: претвореніе воды въ вино въ Канѣ (II, 1—12); исцѣленіе сына Капернаумскаго царедворца (IV, 46—54); исцѣленіе разслабленнаго при Виѳеадѣ (V, 1—16); исцѣленіе слѣпорожденнаго (IX, 1—38) и воскрешеніе Лазаря (XI, 1—45). Повѣствованіе объ этихъ пяти чудесахъ лишь въ четвертомъ Евангеліи находитъ для себя удовлетворительное объясненіе въ самомъ восполнительномъ характерѣ этого Евангелія. Съ другой стороны, не можемъ игнорировать протеста критиковъ противъ кажущагося имъ поразительнаго по силѣ, безмѣрнаго характера чудесъ Иисуса Христа, изображаемыхъ въ Иоанновомъ Евангеліи, какъ будто они представлены

сравнительно съ изложеніемъ синоптиковъ въ преувеличенномъ, слѣдовательно, неисторическомъ видѣ. Между тѣмъ въ дѣйствительности не дается права подозрѣвать историческую истинность чудесъ или считать ихъ преувеличенными или вымышленными, даже если признать въ іерусалимскихъ чудесахъ Спасителя проявленіе особенной или преимущественной силы по сравненію съ чудесами Его по показаніямъ синоптиковъ. Мы не можемъ не сказать, что столь изумительное обнаруженіе чудодѣйственной силы, какъ исцѣленіе 38-лѣтняго разслабленнаго, слѣпота отъ рожденія, воскрешенія четверодневнаго Лазаря не было случайнымъ, но стояло въ тѣсной связи съ нарочитою цѣлю этихъ чудесъ—гораздо сильнѣе воздѣйствовать на отличавшихся великимъ невѣріемъ и ожесточеніемъ іерусалимскихъ іудеевъ. Отмѣчаемая особенность въ характерѣ повѣствуемыхъ въ четвертомъ Евангеліи чудесъ отличительныхъ служить лишь къ болѣе ясному показанію дѣйствительной обстановки или особенныхъ условий дѣятельности Господа Иисуса въ Іудеѣ, что различныя по Іоаннову изображенію какъ бы усиливающіяся или возвышающія чудо обстоятельства были нужны единственно для того, чтобы скорѣе обратить сильнѣйшее вниманіе на величайшаго чудотворца. Кажущіяся для критиковъ подозрительными особенности въ этихъ чудесахъ зависѣли такимъ образомъ отъ самыхъ характера и обстановки дѣятельности Иисуса Христа въ г. Іерусалимѣ и во всякомъ случаѣ не заключаютъ въ себѣ основаній къ тому, чтобы заподозрѣвать историческую истинность Іоанновымъ повѣствуемыхъ чудесъ.

Наконецъ, въ ряду отличительныхъ чертъ Іоаннова Евангелія обращаютъ на себя вниманіе рѣчи Спасителя уже съ той стороны, что онѣ составляютъ значительную и главнѣйшую часть въ Евангеліи сравнительно съ повѣствовательнымъ элементомъ. Историческія повѣствованія у Іоанна большею частью служатъ только приготовленіемъ къ рѣчамъ Господа Иисуса, которыя представляютъ главный предметъ для евангелиста, при чемъ рѣчи эти находятся въ тѣсной, существенной связи съ повѣствуемыми событіями, являются настолько необходимы, что безъ нихъ ходъ изображаемой борьбы вѣры и невѣрія дѣлается непонятнымъ. Но особенно рѣчи Иисуса Христа въ Іоанновомъ изложеніи издавна обращали на себя вниманіе со стороны своего отличнаго содержанія и характера сравнительно съ изложеніемъ синоптиковъ, такъ что критики

склонны считать рѣчи произведеніемъ или измышленіемъ самого писателя, или отрицать историческую ихъ реальность. Въ Иоанновомъ Евангеліи рѣчи Господа Иисуса отличаются возвышеннымъ духомъ, характеромъ умозрительности, за который древніе св. отцы и учителя церкви называли это Евангеліе «духовнымъ». Дѣйствительно, писатель его Иоаннъ всегда восходитъ отъ внѣшняго обнаруженія къ духу, къ невидимому принципу; почти всѣ повѣствованія Иоанна обращены болѣе къ внутреннему, къ существу, такъ что внѣшнія излагаемая происшествія онъ включилъ въ свое Евангеліе ради ихъ болѣе глубокаго смысла,—поскольку для созерцательной его души они суть чаще типы, символы высшихъ истинъ, божественныхъ предметовъ и отношеній. Не безъ основанія и церковная символика изображаетъ ап. Иоанна съ орломъ, какимъ символомъ образно представляетъ острый, пронизательный умъ его, парящій высоко надъ землею, въ небесныхъ сферахъ и вмѣстѣ указываетъ на пророческую дальновидность. Возвышенный, выпранный характеръ Евангелія отъ Иоанна обнаруживается, сверхъ знаменитаго по богословію пролога, въ самосвидѣтельствахъ Господа Иисуса, которыя заключаютъ возвышеннѣйшее ученіе о достоинствѣ и славѣ Его какъ Сына Божія, объ отношеніи Его къ Богу Отцу въ предвѣчномъ бытіи и въ состояніи воплощенія, также ученіе о Духѣ Святомъ, о характерѣ таинственнаго единенія со Христомъ истинно-вѣрующихъ и другія глубокія тайны, открывающія просвѣщенному читателю все великое богатство догматическихъ и нравственныхъ идей. Въ противоположность господствующему въ Иоанновомъ Евангеліи богословско-догматическому или мистическому характеру рѣчей Спасителя съ возвышенной христологіей указываютъ на отличный у синоптиковъ болѣе популярный и нравственно-практическій характеръ рѣчей Его, предметомъ коихъ были преимущественно царство Божіе на землѣ, человѣческая жизнь съ различными ея обязанностями, идеальная мораль, напр. въ нагорной проповѣди, и т. под. Но отмѣчаемое различіе въ тѣхъ и другихъ рѣчахъ Господа Иисуса лишь относительное, такъ какъ въ Евангеліи Иоанна можно указать 27—28 изреченій такихъ, которыя почти въ томъ же видѣ находятся у синоптиковъ. Этотъ двойственный по тону характеръ рѣчей Спасителя находить для себя вполне удовлетворительное объясненіе въ неодинаковыхъ душевныхъ состояніяхъ Его съ одной стороны, какъ преимущественно у симоп-

тиковъ,—въ обычномъ душенастроеніи и, съ другой, какъ у Іоанна, въ особливыхъ моментахъ возвышеннаго состоянія духа Христова, и только указываетъ на двоякій характеръ или методъ ученія Спасителя и способъ выраженія примѣнительно къ неодинаковому духовному состоянію слушателей, каковыми были въ Іудеѣ и Іерусалимѣ ученые священники, книжники и фарисеи (возвышенные бесѣды), въ Галилеѣ же—малообразованные простецы изъ народа. Самое же помѣщеніе въ четвертомъ Евангеліи преимущественно возвышенныхъ бесѣдъ и рѣчей Спасителя обуславливалось восполнительной и преимущественно богословско-полемической цѣлями Евангелія, какъ онѣ указаны уже древними христіанскими экзегетами.

При преобладающемъ догматико-богословскомъ характерѣ представленія, причемъ историческій элементъ, какъ служащій къ раскрытію и подтвержденію основной идеи, имѣеть второстепенное, служебное значеніе, въ четвертомъ Евангеліи не можемъ не замѣтить субъективнаго элемента. Общепрізнано, что синоптическія Евангелія, при внѣшнелѣтописной историчности, отличаются болѣе объективностью авторской, которая легко объясняется тѣмъ, что писатели ихъ, особенно ап. Маркъ и Лука, находятся въ зависимости отъ общеапостольской палестинской традиціи о Спасителѣ, Его жизни и ученія и имѣли цѣлью представить преимущественно внѣшне-историческое изложеніе (у Луки съ болѣею подробностью) событій изъ жизни Его. Писатель Евангелія Іоанна не излагаетъ всѣхъ событій изъ жизни Божественнаго своего Учителя, ни тѣмъ болѣе—частныхъ обстоятельствъ изъ періода личнаго своего обращенія съ Нимъ, но онъ съ ясностью очевидца воспроизводитъ въ своемъ Евангеліи тотъ субъективно-психологическій процессъ, какой съ момента засіянія въ его душѣ луча свѣта вѣры при первомъ видѣніи Агнца Божія на берегахъ Іордана пережилъ во время обращенія съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, затѣмъ въ какой мѣрѣ онъ самолично принималъ участіе въ изображаемой борьбѣ вѣры съ невѣріемъ, свѣта со тьмою, и какъ въ немъ постепенно подѣйствіемъ ученія и чудесъ Спасителя развивалась и укрѣплялась вѣра до высокой степени созерцанія въ Немъ воплощеннаго Бога Слова—Сына Божія. Отсюда четвертый евангелистъ въ свое изображеніе и изложеніе какъ бы невольно вноситъ субъективно-идеальный элементъ, такъ что Іоанново Евангеліе не безъ основаній на-

зываютъ не только произведеніемъ историка очевидца, но даже въ нѣкоторомъ родѣ автобіографіей. При такомъ характерѣ повѣствованія и изложенія неудивительно, что четвертое Евангеліе сравнительно съ синоптиками отличается преимущественно духомъ индивидуальности, носить на себѣ отпечатокъ личности своего писателя. Соотвѣтственно любвеобильному характеру и всему духовному складу ап. Іоанна, все его Евангеліе дышетъ естественнымъ языкомъ нѣжнаго, добраго сердца, звучитъ тономъ искренняго чувства. Внутренно, всѣмъ сердцемъ принимая участіе въ изображаемыхъ событіяхъ, евангелистъ при изложеніи ихъ и рѣчей Господа Іисуса, для читателей является какъ бы руководителемъ въ своихъ краткихъ пояснительныхъ замѣчаніяхъ и по природной добротѣ и теплотѣ чувства не можетъ холодно, равнодушно передавать особенно трогаящія его душу событія и рѣчи Спасителя; вслѣдствіе этого изложеніе Евангелія сильно дѣйствуетъ на чувство читателя или слушателя. Между тѣмъ синоптики, изображая событія евангельской исторіи и ученіе Іисуса Христа, ничѣмъ не даютъ знать о себѣ, и при лѣтописномъ своемъ пересказѣ событій иногда дѣлаютъ замѣчанія лишь въ томъ видѣ, что для читателей отмѣчаютъ исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ.

Въ связи съ субъективнымъ характеромъ четвертаго Евангелія, свидѣтельствующимъ о писателѣ-самоучастникѣ изображаемой исторіи, въ самомъ образѣ повѣствованія обращаютъ на себя вниманіе встрѣчаемыя въ этомъ Евангеліи особенныя подробности изображенія обрядовой жизни, воззрѣній и обычаевъ евреевъ, отличительная точность и обстоятельность сообщеній о мѣстностяхъ Палестины, хронологическія и числовыя показанія и другія подробности изложенія. При отсутствіи опредѣленнаго обозначенія имени писателя четвертаго Евангелія, эти разнообразныя такъ называемыя внутреннія свидѣтельства достаточно удостовѣряютъ, что писателемъ его былъ только природный іудей, притомъ палестинецъ; и самоочевидецъ повѣствуемыхъ событій, въ чемъ, между прочимъ, убѣждаетъ и филологическое разсмотрѣніе I, 14; XIX, 35 и XXI, 24—25 четвертаго Евангелія. Даже болѣе того, — такимъ писателемъ былъ несомнѣнно апостоль изъ двѣнадцати, одинъ изъ трехъ довѣреннѣйшихъ учениковъ Спасителя Іисуса Христа, возлюбленный ученикъ Его, именно Іоаннъ Зеведеевъ, которому и христіанская церковь уже издревле (съ половины II вѣка) приписываетъ написаніе четвертаго Евангелія.

Что писателемъ его былъ еврей палестинецъ, это также подтверждается самыми свойствами языка и изложенія Евангелія. Я крайне утомилъ бы ваше просвѣщенное вниманіе даже краткимъ обзорѣніемъ представленныхъ въ моемъ изслѣдованіи особенностей языка какъ грамматическихъ, такъ и лексическихъ. Изъ обширной области стилистическихъ особенностей, которыя въ общемъ представляютъ ближайшее подражаніе арамейскому изложенію, не могу не указать на безискусственность построенія фразы, преобладаніе краткихъ предложеній, обиліе различныхъ фигуръ еврейской словесности, построеніе рѣчи и выраженіе мыслей не періодическое, а чисто еврейское, афористическое, преимущественно безъ союзовъ, также отличительные для еврейскаго стиля способы соединенія предложеній и самаго развитія мыслей и т. под. Вся такая еврейская конструкція рѣчи и стиль признаются совершенно невозможными для природнаго грека притомъ II столѣтія, какому критика склонна усвоить написаніе четвертаго Евангелія, и выразительно свидѣтельствуютъ, что писателемъ его былъ неоспоримо природный еврей-палестинецъ, притомъ лишь I (а не половины II) вѣка. Такое представленіе о лицѣ и времени писателя Евангелія совершенно соотвѣтствуетъ древне-церковному объ этомъ возрѣнію, — которое притомъ основательно подтверждается неоспоримымъ вліяніемъ четвертаго Евангелія на языкъ и изложеніе различныхъ произведеній II вѣка: а) литературы церковной и б) внѣ-церковной.

Въ самыхъ указанныхъ отличительныхъ особенностяхъ четвертаго Евангелія мною даны достаточныя основанія къ положительному рѣшенію касающихся достовѣрности и подлинности этого Евангелія вопросовъ о національности писателя и о времени происхожденія его Евангелія, — преимущественно въ виду отрицательнаго отношенія нѣкоторыхъ критиковъ къ церковной традиціи относительно происхожденія четвертаго Евангелія. При разрѣшеніи многосложныхъ вопросовъ, относящихся къ означеннымъ, въ русской экзегетической литературѣ слабо затронутымъ, задачамъ встрѣтились для изслѣдователя большія затрудненія, которыя обусловливались отчасти самою оригинальнію постановки характеристики Евангелія и особенно со стороны филологической, отчасти же — скудностію руководствъ и пособій въ послѣдней области. Правда, нельзя не сознаться, количество ученыхъ изслѣдованій вообще о

Евангеліи отъ Іоанна безмѣрно велико на ученомъ Западѣ,— въ нашей же литературѣ—лишь наперечетъ,—однако, отнюдь нельзя говорить о богатствѣ филологическихъ этюдовъ относительно этого Евангелія; въ иностранныхъ комментаріяхъ на него далеко не во всѣхъ встрѣчаются въ исагогической части отдѣльныя, не говоря, обстоятельныя главы о языкѣ и стилѣ его. За недостаткомъ специальныхъ филологическихъ монографій авторъ подлежащаго вашему обсужденію изслѣдованія вынуждался пользоваться общими пособіями въ видѣ разновременныхъ исагогикъ четвертаго Евангелія и преимущественно грамматикъ новозавѣтнаго греческаго языка. Замѣтная неравномѣрность въ моей разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ обуславливается положеніемъ ихъ въ самой исагогико-экзегетической литературѣ иностранной. Отсюда же при всемъ желаніи автора придать своему многолѣтнему труду истинно-научный и возможно цѣлостный характеръ, этотъ опытъ, во всякомъ случаѣ въ русской исагогической литературѣ первый *suū generis*, не можетъ не имѣть нѣкоторые недочеты и несовершенства по содержанію и съ архитектурической стороны.

Въ заключеніе не могу здѣсь не признаться, что недостатокъ соответственныхъ матеріаловъ для созданія вполне обстоятельнаго изслѣдованія, при томъ въ провинціальномъ городѣ— въ обстановкѣ преподавателя духовной семинаріи былъ значительно устраняемъ при просвѣщенномъ посредничествѣ досточимаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Н. Н. Глубоковскаго. Въ разнообразныхъ личныхъ собесѣдованіяхъ со мной въ Петербургѣ и въ письмахъ своихъ онъ не только ободрялъ меня, поддерживалъ мою энергію въ завершеніи труда, предпринятаго уже не въ молодомъ возрастѣ, но и давалъ тонъ моему изслѣдованію указаніями особенно позднѣйшей иностранной литературы трактуемаго предмета, при чемъ самъ лично или по почтѣ снабжалъ меня необходимыми и нерѣдко цѣнными пособіями. Это обстоятельство нравственно обязываетъ меня при настоящемъ достопочтенномъ собраніи открыто выразить глубокую благодарность нашему знаменитому представителю богословской литературы. Не могу не засвидѣтельствовать своей признательности и высокочтимымъ рецензентамъ моей диссертациі М. И. Богословскому и П. А. Юнгерову за тѣ замѣчанія, какія ими даны въ официальномъ отзывѣ о ней, особенно же на самой

рукописи. Сдѣланныя замѣчанія и указанія приняты мною въ соображеніе при окончательной редакціи сочиненія,—но насколько умѣло я воспользовался авторитетными для меня совѣтами и замѣчаніями, равно съ успѣхомъ раскрыть предметъ своего изслѣдованія по существу—соотвѣтственно специфическимъ его задачамъ, сужденіе объ этомъ принадлежитъ вамъ. гг. высокопросвѣщенные оппоненты мои.

Ив. Баженовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки